

Мир неведомого

Александр Волков

МИСТИЧЕСКАЯ СКАНДИНАВИЯ

Мир неведомого

Александр Волков

Мистическая Скандинавия

«ВЕЧЕ»

2015

Волков А. В.

Мистическая Скандинавия / А. В. Волков — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Мир неведомого)

ISBN 978-5-4444-8595-8

Вторая книга о сказках продолжает тему, поднятую в «Страшных немецких сказках»: кем были в действительности сказочные чудовища? Сказки Дании, Швеции, Норвегии и Исландии прошли литературную обработку и утратили черты древнего ужаса. Тем не менее в них живут и действуют весьма колоритные персонажи. Является ли сказочный тролль родственником горного и лесного великанов или следует искать его родовое гнездо в могильных курганах и морских глубинах? Кто в старину устраивал ночные пляски в подземных чертогах? Зачем Снежной королеве понадобилось два зеркала? Кем заселены скандинавские болота и облик какого существа проступает сквозь стелющийся над водой туман? Поиски ответов на эти вопросы сопровождаются экскурсами в патетический мир древнескандинавской прозы и поэзии и в курьезный – простонародных легенд и анекдотов.

ISBN 978-5-4444-8595-8

© Волков А. В., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Вступление	6
Фольклорная сказка	8
Литературная сказка	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Волков

Мистическая Скандинавия

© Волков А. В., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Вступление

Юные пастушки давно греются у печки и прядут шерсть в укромном уголке, а два бедных мальчика бредут по осеннему лесу. Быстро темнеет, уставшие путники разводят костер, укладываются поближе друг к другу и засыпают. Но лесной сон недолог. Через час-другой они вскакивают и прислушиваются. Сосны гнутся, словно от бури, а сквозь их стоны доносится злобное пыхтение. Могучие деревья раздвигаются в стороны, и перед мальчиками вырастают три черные тени...

Охотник на ощупь пробирается к заброшенной в горах пастушеской хижине. Тьма настолько сгустилась, что он не видит собственных рук. На подходе к дому собаки начинают истошно лаять. Юноша спотыкается о гигантское склизкое тело, разлегшееся на пороге...

Королева с маленьким сыном на руках прогуливается по палубе, а король беспечно дремлет в каюте. Вдруг борт корабля сотрясается от тяжелого удара. Кто-то карабкается вверх – королева слышит скрежет когтей по дереву, но не двигается с места, удерживаемая колдовскими чарами. Над краем борта вырастает большая уродливая голова...

Широко взмахивая черными крыльями, принцесса летит к горе, укутанной полуночной мглой. По стенам горного коридора бегают тысячи огненных пауков, а в пещерной зале, освещенной пламенем ядовитых змей, восседает на троне безобразный тролль. Он приветливо кивает принцессе...

В подземном ходе горят сотни ламп. Солдат открывает первую из дверей, указанных ведьмой, и видит собаку. Та сидит на огромном сундуке, уставив на незваного гостя пару глаз размером с чайную чашку...

В спальне тихо, как в могиле. Чуть слышно потрескивает полено в камине, а на улице глухо шумит вьюга. Кружащаяся за стеклом снежинка начинает расти, превращаясь на глазах мальчика в высокую женщину в белом покрывале. Глаза у женщины злые и холодные. Она коварно улыбается и манит к себе пальцем. Мальчик в ужасе отшатывается, женщина исчезает, а мимо окна как будто проносится птица...

Принцесса не может улететь с болота. Она горько плачет, а слезы падают на ольховый пенек. Внезапно тот оживает – к девушке тянутся кривые, покрытые тиной ветки. Она спрыгивает в трясину и пытается бежать, но проваливается. Болотный царь утягивает ее под воду...

Знатоки скандинавского фольклора наверняка обратят внимание на принципиальную разницу между данными эпизодами и теми, которыми открывалась книга «Страшные немецкие сказки». Отрывки из сказок братьев Гримм (в меньшей степени – Гофмана и Гауфа) свидетельствовали о наполнявшем их ужасе, ибо немецкие сказки вообще ужасны. Страх скандинавских сказок мимолетен и легко рассеивается при дальнейшем повествовании. Собственно, цитируемыми местами ужас исчерпывается. Не случайно все они, кроме визита принцессы к троллю, взяты из начала сказок, тогда как в немецких сказках мы вычленили в основном середину, согласно В. Я. Проппу, самую устойчивую и самую древнюю часть.

Мальчики без проблем одурачили троллей, и ночной ужас превратился в фарс. Пер Гюнт, не посрамленный змеевидным чудищем, расправился и с ним, и с его многочисленными сородичами. Морское нападение великанши вылилось в семейную драму с жалкими остатками первоначального кошмара.

Андерсен по ряду причин старался не нагнетать страха. Из описания жилища тролля я убрал черненьких мышек, формирующих подушку на троне, зеленых мух, образующих балдахин над ним, а также колдовской «концерт» – черных кузнечиков, играющих на губных гармониках, сову, бьющую себя крыльями по животу вместо барабана, и т. д. Благодаря зверушкам посещение тролля приобретает комические черты, а ведь оно призвано раскрыть страшную

тайну злой принцессы, украшающей дворцовый сад костями принцев-неудачников. С помощью таких же юмористических деталей романтик Гауф дискредитировал свою ведьму («Карлик Нос»).

Собаки из «Огнива» ничуть не страшны, но эта сказка базируется на фольклорном источнике и выбрана мною потому, что на месте собак прежде находились другие существа. Ольховый пенёк открывает череду болотной нечисти у Андерсена, ну а заглядывающая в окна Снежная королева действительно пугала меня в детстве.

Мир скандинавского фольклора наполнен ужасами, связанными главным образом с мертвецами и нашедшими отражение в быличках (особенно в Исландии). В сказку они за редким исключением не попали, меня же интересует именно сказка, более древний и, несомненно, более ценный материал. Пусть ее герои не всегда наводят ужас, но сами имена обязывают нас заняться их родословной. Горный, лесной и морской тролли, похотливая великанша и бессердечный великан, устроители ночных забав, обитатели подземного мира, Ледяная дева, болотные твари. Разве они не чудовищны?

Фольклорная сказка

Сказочники Скандинавии неизменно расписывались в своем уважении к братьям Гримм и к их благому начинанию. Немцы оценили по достоинству внимание скандинавов, и обмен любезностями продолжался на протяжении большей части XIX столетия. Якоб Гримм написал аннотацию к собранию датских народных преданий Ю. М. Тиле (1818) и пропел осанну вышедшему в 1841 г. в Норвегии сборнику народных сказок П. К. Асбьёрнсена и Й. И. Му: «Он выше всех других современных сборников». Швед Г. У. Хюльтен-Каваллиус и англичанин Г. Стеффенс адресовали собранные ими шведские сказки (1844) «братьям Якобу и Вильгельму Гримм, сказочникам Германии». Й. Арнасон посвятил братьям свои сборники исландских сказок, изданные в 1862–1864 гг.

Но вопреки дифирамбам скандинавским сборникам не доставало архаического ужаса, пропитавшего немецкие сказки. Братья Гримм обладали широчайшими познаниями в мифологии, истории, лингвистике, позволявшими им отслеживать все нюансы сказочного сюжета. Прежде всего они были учеными, а уж затем – рассказчиками. И если ситуация требовала уже сточить сюжет в ущерб его полезности и даже понятности для детей, они шли на это, рискуя вызвать упреки родителей, озабоченных самочувствием своих чад. Так, пренебрегая множеством благодушных вариантов сюжета с карликом-помощником в немецкоязычных землях, братья сделали из него безжалостное чудовище и заставили погибнуть в муках («Румпельштильцхен»).

Одной из задач братьев Гримм стало преодоление светского эстетизма и уход в архаику. Скандинавская сказка вызревала в атмосфере романтических грез, от которых не были свободны даже профессиональные собиратели. В результате народная сказка Севера очень быстро сменилась литературной. Немецкую традицию создали ученые-профессионалы, до сих пор никем не превзойденные. Ведущие имена сказочной Скандинавии – Андерсен, Топелиус, Лагерлёф, Линдгрэн, Янссон. Немногие помнят о «превышающих всех» сказках Асбьёрнсена и Му.

Ранний сборник сказок, изданный датчанином М. Халлагером в 1799 г., ориентировался на произведения Перро и Музеуса. В согласии с идеалами эпохи Просвещения Халлагер намеревался «просветлять сердца детей и облагораживать их разум». Свет же исходил преимущественно от взрослых, единственных по-настоящему разумных людей, поэтому книга Халлагера была построена в форме беседы отца с детьми. Умудренный жизнью родитель наставлял маленького человечка на путь истинный.

Три сказки братьев Гримм угодили в сборник датского поэта и драматурга А. Г. Эленшлегера (1779–1850), выпущенный в 1816 г., где они соседствовали с фантазиями Музеуса и Тика. Будучи романтиком, Эленшлегер апеллировал к «истинной человечности» и «высокой морали» – той самой, которая позднее так полюбилась Андерсену, – а будучи выходцем из XVIII столетия, писал о глупости зла и разумности добра. При таком подходе кульминацией сказки провозглашалось торжество ума над грубой силой, а ее антигерои наделялись не столько кровожадностью, сколько презренностью и курьезностью.

Первыми в Скандинавии занялись фольклорным собирательством датчане Ю. М. Тиле (1795–1874) и М. Винтер (1795–1834). Идя по стопам братьев Гримм, Тиле пытался связать народные сказки с письменными преданиями, сохраненными авторами средневековых саг и Саксоном Грамматиком (1140–1215). Идеализируя датских крестьян, он полагал, что те держат хронику Саксона Грамматика на полках рядом с домашней утварью и наслаждаются ею в долгие зимние вечера. Тем самым они приобщаются к поэтическому миру предков, лицезревших – мифологическая школа уже входила в моду – «игру природы и ее скрытых сил».

Полностью сборник братьев Гримм был переведен на датский язык в 1821 г., вероятно, с небольшими поправками и смягчениями. В Германии братьев активно теснили Арним, Брентано, а позднее – Бехштайн, но в Дании ничего похожего не было, и сборник мигом завоевал популярность у читающей публики и вызвал недовольство у патриотов. Винтер, мнивший себя хранителем национальной культуры, отмежевался от немецкой традиции, с гордостью заверяя всех, что он «страхнул пыль» со старых датских сказок и оживил «простые, забытые предания».

Предания оказались чересчур простоваты, и Винтер недолго думая усложнил их поэтическими гиперболами и психологическими отступлениями. Многие его приемы были усвоены Андерсеном, в частности, вселение персонажей деревенского фольклора в роскошные апартаменты и уютные садики. В одной из сказок водяной подобно королю живет в огромном замке, окруженном цветущим садом.

По недоразумению подлинно научным собирателем датского фольклора называют С. Х. Грундтвига (1824–1883), еще одного борца с засилием немецких сказок. Грундтвиг был близок по стилю к Арниму и Брентано, а их учеными никто не считает. Он и собирал-то преимущественно народные песни, выпустив в 1854–1861 гг. четыре сборника «Старинные датские предания и напевы». Хотя Грундтвиг имитировал народный говор («Слыхивали мы и видывали на своем веку немало диковинного») и тщательно изучал данные, поступавшие из разных областей Дании, обрабатывал он их, исходя из следующего принципа: «Нужно записать все старинные предания и сказки как можно более достоверно и современно».

Каковы же итоги этой обработки? Для большей достоверности горные тролли почти исчезают (да ведь и народ перестал замечать троллей!), а их место в ночных бдениях на волшебном холме занимают пляшущие ведьмы. Уцелевшие особи походят на зажиточных крестьян, а не на могущественных волшебников, и герои запросто обращаются к ним на «ты». Очень современны и безобидны эльфы, истоптавшие лужайку в лесу своими крохотными ножками. Их королева наряжена в темно-синюю юбку, светло-голубой передник и коричневую шапочку. По соседству с эльфами живут ужи-«страхолюды». У них тело толщиной с человеческую руку, а на спине растет густая щетина. Ага, испугались! Ну, не беда – слушайте дальше. Король ужей носит на голове золотую корону. Это не так страшно. Если расстелить на земле белый передник, король положит свою корону на него. А это уже литература...

В нескончаемой брани с немецким духом Грундтвиг так осовременился, что не заметил, как превратил датскую сказку во... французскую, на что не преминул обратить внимание А. Франс: «Скандинавская сказка кажется подражанием французской». Разве не из Франции перекочевали малютки-эльфы и чудесные змейки в золотых коронах?

В 1861 г. Грундтвиг громогласно заявил: «Благородное деяние, которое заключается в том, чтобы спасти все, что можно, из поныне живущего в памяти народа и в народном творчестве, из всего духовного наследия народа, наполовину закончено!» – после чего принялся, не смущаясь, перекладывать на литературный язык собранные им сказки.

Норвежские фольклористы оказались более скромными в своих притязаниях на звание спасителей духовного наследия, а главное – более чуткими к родному языку. Поэтому в Норвегии не получила развития литературная сказка. Но норвежцы не устояли перед соблазном, до боли знакомым братьям Гримм, и привнесли в свои сказки мораль и поучения. Стремясь подарить радость соотечественникам, они заметно смягчили древний ужас – в первую очередь в отношении троллей, изрядно поглупевших и очеловечившихся. Страшные персонажи были для них всего лишь суеверием. Они нипочем не признались бы вслед за братьями Гримм в том, что не обнаружили лжи в народных легендах о демонах, карликах, великанах и эльфах.

Фронтиспис нью-йоркского издания «Норвежских сказок» П. К. Асбьёрнсена (1883)

Немаловажное значение имел род занятий сказочников Норвегии. Историками и мифологами они не были. Пионер норвежского фольклора А. Файе (1802–1869) служил приходским пастором и возглавлял учительскую семинарию. По рангу службы он не мог воспринимать всерьез «языческие» чудеса вроде троллей и свысока относился к народной поэзии, хотя и выступал против излишней «обработки и украшения».

П. К. Асбьёрнсен (1812–1885) и Й. И. Му (1813–1882), выпустившие в свет знаменитый сборник «Норвежские народные сказки» (1841), вдохновлялись услышанными в детстве

сказаниями о ведьмах, домовых и троллях. Однако к моменту начала сбора фольклорного материала оба далековато ушли от крестьянского легковерия. Асбьёрнсен изучал медицину и естественные науки, став зоологом, автором трудов по естествознанию, экономике, лесному и торфяному делу. Какой веры можно ожидать от естественника? Му занимался богословием и впоследствии сделался епископом. Он первым отошел от сказок (несолидное для пастыря занятие), и сборник «Норвежские волшебные сказки и народные предания» (1845–1848) Асбьёрнсен издал без него. В 1865 г. Асбьёрнсен окончательно порвал с собирательством. И все же эту пару величают норвежскими братьями Гримм – теми самыми братьями, смыслом жизни которых был фольклор.

Заслугу Асбьёрнсена и Му в возрождении языка норвежских сказок трудно переоценить. В этой области они выступили достойными учениками братьев Гримм. Норвежцы поставили себе целью пересказ материала, «не опуская никаких обстоятельств, не изменяя никаких событий», сохраняя народную интонацию. Братья Гримм тоже следовали этому принципу, хотя и не во всем доверяли своим информантам, особенно при избытии версий одного и того же сюжета. В таких случаях им на выручку приходили знания по мифологии и истории Германии. Экскурсы в прошлое вызвали порой ужесточение сказочного сюжета – ведь современная братьям бюргерская среда давно позабыла об ужасах средневековых преданий. Норвежцы не могли похвастаться такими знаниями, да и местные саги по сравнению с кельтскими, германскими и славянскими памятниками кошмарами не изобиловали.

Стремясь приукрасить мир народной сказки без искажения оригинала, Асбьёрнсен прибег к самобытным описаниям норвежской природы – леса и гор, врезающихся в сушу фьордов, ниспадающих с головокружительной высоты водопадов. Братья Гримм тоже воспевали родную природу, на фоне которой герои их сказок обретали еще более гротескные черты. Чудовища норвежских сказок зачастую сливаются с окружающим миром, как тролль с каменной горой, и поэтому не столь устрашающи. В Норвегии мифологическая школа, от которой откристились братья Гримм, действительно правит бал.

Сильнее других пострадала от переработок и исправлений шведская сказка. Дело в том, что большинство скандинавских литераторов XIX–XX вв. писали свои сказки на шведском языке, и старинные предания потонули в море книг. Между тем вплоть до середины XIX столетия эти предания вызвали интерес и у прогрессистов вроде К. Линнея, сетовавшего в 1743 г. на поразительную живучесть национальных «суеверий», и у патриотов вроде Э. Г. Гейера, призывавшего в 1811 г. использовать фольклор в деле воспитания грядущих поколений.

В 1819 г. писатели Л. Хаммаршельд и Й. Имнелиус издали небольшой том «Шведские народные сказки». В полной мере занялись воспитательной работой Г. У. Хюльтен-Каваллиус (1818–1889) и Г. Стеффенс (1813–1893), подготовившие сборник «Шведские народные сказки и предания» (1844).

Швед и англичанин действовали в двух направлениях. Во-первых, сформировав шаблон на базе исландских саг, они подвели под него большую часть своих сказок, чье основное достоинство – не содержание, а стиль, имитирующий героические песни Средневековья. Народного, тем паче ужасного в этих сказках немного. Во-вторых, авторы привнесли в сказки протестантский дух, особенно ощутимый в их втором сборнике «Шведские сказки», к работе над которым были привлечены лица духовного звания. Тем же принципом руководствовалась в своем творчестве Лагерлёф.

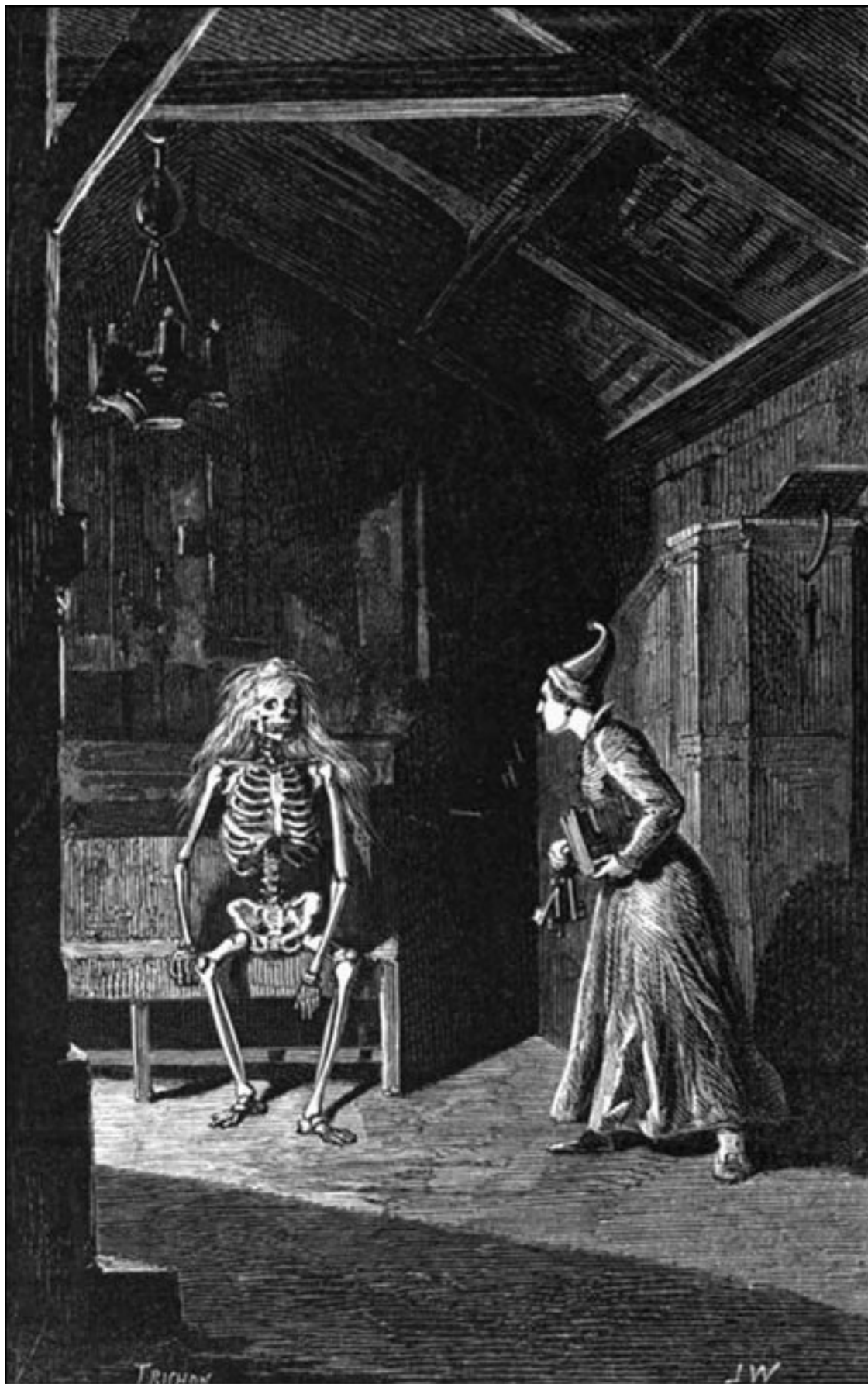
В результате психологизация древних монстров достигла высшей точки. Если в Норвегии тролль по-человечески вредничает и разбойничает, то в Швеции он уже помогает человеку, вызывая жалость и нежность. Охотник Брюте, ненароком спасший от когтей орла маленького тролленка, замечает, какой он милый и ласковый. Доброе деяние не остается без награды: старые тролли преподносят виновнику торжества подарки, помогающие ему жениться на принцессе и сделаться королем. Ослик, один из чудесных подарков троллей, отверзает свои уста,

чтобы осчастливить Брюте ценным советом и назидательной проповедью: «Забыл ты меня с собой взять, ну да ладно, прощу тебя! Тролленка-то от орла ты спас!» До гробовой доски будет помнить охотник славный подвиг свой...

Ну а воздушные эльфы и вовсе превращаются в небесных ангелов, вместе с героем возносящих хвалу Господу.

Третьей особенностью шведского фольклора, также усвоенной Лагерлёф, стала его систематизация по географическому признаку в целях приобщения читателя к традициям и быту различных областей страны. Инициатором выступил Х. Хофберг, издавший в 1882 г. сборник шведских народных преданий. Поскольку во главу угла ставился крестьянский быт, волшебные существа были насильно к нему приспособлены. Предпочтение отдавалось самым «обыденным» из них, в первую очередь – домовому, заурядному мужичку в летах, одетому в грубое серое платье, с остроконечной красной шапочкой на голове, блюдущему порядок в доме. А скажем, горный великан имел собственные «тайны политики», дорожил своим именем, а его богатство никому не шло впрок.

В книгах об английских и русских призраках мы разоблачили немало сентиментальных рассказов. Но и они бледнеют в сравнении со шведским преданием «Привидение во Фьёлкинге». Следуя завету Джерома К. Джерома, жертва убийства демонстрирует свои раны посетителям проклятого дома, пока туда не приходит ночевать добродетельная помещица фру Барнсков. Храбрая фру не визжит и не падает в обморок, а в лучших традициях загробной медицины перевязывает призраку голову носовым платком и вкладывает фамильный перстень в зияющую рану. В знак благодарности она удостоивается откровения об имени убийцы и всю жизнь лечит страждущих чудодейственным перстнем, побив рекорд коронованных особ с их золотухой.

Скелет в церкви. Иллюстрация Ж. Вормса (1864) к «Исландским сказкам» Й. Арнасона

Всех ближе к школе братьев Гримм стоял исландский собиратель Й. Арнасон (1819–1888), который пользовался записями с мест, сделанными владевшими грамотой крестьянами и пасторами. На родине начинание Арнасона долгое время поддержки не находило – опубликованные в 1852 г. «Исландские сказки» были осмеяны образованным духовенством и интеллигенцией как «бабий вздор». И лишь после того как Арнасон издал двухтомник сказок в Лейпциге (1862–1864), в Исландии спохватились – раз передовые немцы его читают, чем мы хуже? И собрание Арнасона переиздали на родине в шести томах.

Архаичность исландских сказок была подчеркнута Е. М. Мелетинским, исследовавшим сюжет о мачехе и падчерице, однако в «Страшных немецких сказках» мы убедились, что эта древность касается только межчеловеческих отношений, а не выходцев из иного мира и связанных с ними событий. Их образы были основательно переработаны в среде крестьян и стали во многом походить на самих рассказчиков (вспомним хозяйственных аульвов, игривую дочь великанши, похотливого тролля).

Арнасон по мере сил пытался подражать братьям Гримм – не меняя сюжета, редактировал шероховатости, удалял пошлости, исправлял грамматические ошибки, – но и ему не хватило чутья, чтобы восстановить первоначальный облик чудовищ. Правда, с этой задачей не справился бы никто – удаленность Исландии от материковой Европы, с одной стороны, гарантировала самобытность ее фольклора, а с другой – лишала фольклориста письменных источников, которые могли бы помочь в деле возрождения утраченного. В родовых и королевских сагах роль чудовищ незначительна, поэзия скальдов знает только великанов, карликов и драконов, а монастырских летописей в Исландии не было. Одной народности для сохранения архаической сказки маловато – простолюдин склонен придавать свидетельствам о встрече с неведомым черты повседневности. Хотя исландские сказки датируются едва ли не IX–X вв., исторических данных для их проверки Арнасон не имел.

Из черт древности в исландских сказках можно отметить претензию на достоверность, веру рассказчика в истинность происходящего, непредсказуемость сюжета, слабость моральных оценок и главное – несчастливую концовку многих сказок. Но настоящего страха там нет, в отличие от исландских быличек о мертвецах.

Литературная сказка

Начало преобразования фольклорной сказки в литературную было положено в Дании. Однако первые образцы такой сказки к фольклору отношения не имеют. Эленшлегер, увлекавшийся сказками в 1807–1816 гг., использовал сюжеты северных саг о героях, усиливая их социальный аспект, или согласно моде того времени, обрабатывал любовные байки с Востока. Б. С. Ингеман (1789–1862) обращался к рыцарским легендам Средневековья, трактуя их в манере готического романа. В его сказках присутствовали злые духи, горные ведьмы, колдуны и даже исчадия ада, правда, в антропоморфном обличье. Они страдали и ликовали, гремели проклятиями и размахивали мечами и посохами, а также перебегали из лагеря в лагерь, как, например, карлик, несмотря на адское происхождение, возмущившийся коварством своего хозяина-волшебника. В итоге силы добра торжествовали, колдовские чары рассеивались, а пришельцев из преисподней водворяли на законное место.

Величайший сказочник Скандинавии Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875) в своих первых опытах выступал, по сути дела, фольклористом (по скандинавским меркам), а не сочинителем и лишь годы спустя выработал неповторимый авторский стиль, позволяющий считать его революционером в области сказок.

О творчестве Андерсена нелегко судить объективно. Большинство его ранних сказок, созданных в 1830-х и 1840-х годах, нареканий обычно не вызывают. Но поздние, отражающие строгие морально-этические и религиозные взгляды, не любимы теми взрослыми, кто эти взгляды не разделяет и считает их вредными для детей. К мнению взволнованных родителей присоединяются эмансипированные психоаналитики вроде М.Л. фон Франц, которых Андерсен раздражает своей нервозностью, ханжеством и «пуританским корсетом», скрывающим языческий темперамент. Что ожидать от писателя, умершего девственником, но едва не свихнувшегося на почве сексуальных фантазий? Успех сказок Андерсена в Скандинавии фон Франц объясняет «коллективным неврозом» всего Севера. «Я считаю, – говорит она, – что если рассказчик волшебных сказок способен выразить в своем произведении какую-то общечеловеческую проблему, то есть все основания предполагать, что его сказки станут общепородными, но если его создания чересчур напоминают о собственных невротических проблемах автора, то они не получают сколько-нибудь большого распространения. Здоровые люди не примут их». Следовательно, признаком здоровья сказочника служит его погруженность в общечеловеческие заботы.

Нам Андерсен интересен прежде всего из-за своих личных «проблем». Так уж получилось, что откровений из другого мира сподоблялись неприкаянные «проблематики», а не здоровяки, с комфортом пристроившиеся в мире этом.

Судьба датского сказочника на первый взгляд повторяет судьбу братьев Гримм. Первый сборник его сказок (1835) одобрения читателей не заслужил. «Многие из моих друзей, – признавался Андерсен в автобиографической “Сказке моей жизни”, – те именно, чье мнение я особенно ценил, советовали мне бросить писание сказок; одни говорили, что у меня нет таланта к этому и что это вообще не в духе времени, другие полагали, что уж если я желал пробовать свои силы в этой области, следовало предварительно изучить французские образцы». Французские образцы приводились в пример неспроста – в ту пору в Дании шла яростная борьба с немецким фольклором. Вращаясь в свете, Андерсен так и не удосужился ознакомиться с творчеством братьев Гримм, зато преклонялся перед Гофманом.

Лишенные французской сусальности, ранние сказки Андерсена казались неподходящими для детской аудитории. Они были мало назидательны и даже безнравственны. «Вряд ли кто найдет особенно полезным для детей читать о принцессе, разъезжающей по ночам на собаке к солдату, который целует ее», – говорилось в одной из первых рецензий на андерсе-

новский сборник. Литературная жизнь полна иронии! Мы видели, что в наши дни Андерсена, напротив, обвиняют в суровом морализаторстве и сексуальной закрепощенности. Наверное, в 1830-х годах датские критики уже болели неврозом.

Братья Гримм долго бились над заглавием своих «Детских и семейных сказок» и, в конце концов, удалили из него эпитет «народные». Вот и Андерсен переломал немало копий в поисках точного наименования для своих книг. Сначала он, как и братья, использовал заголовок «Сказки, рассказанные детям», а затем – «Новые сказки», но после критических нападок в свой адрес заменил его словом «истории». Под этот термин в равной степени подпадали и «незатейливые байки в духе народной традиции» (так писатель охарактеризовал свои фольклорные переработки), и «рассказы, отмеченные дерзким полетом поэтической фантазии», которым были отданы его симпатии. Аргументируя свое решение, он вслед за собирателями ссылаясь на авторитет народа, именующего историями все подряд – сказки для детей, нравоучительные басни, рассказы для взрослых. Озаглавив «историями» сборники 1852, 1853 и 1855 гг., Андерсен остался недоволен, ведь к тому времени его уже знали как сказочника. Поэтому в 1858 г. он соединил в одном заголовке «сказки» и «истории».

На этом сходство между немецкими учеными и датским литератором исчерпывается. Братья желали рассказывать сказки именно детям, но дети не сразу их приняли. Эпитет «семейные» убеждал родителей, что сказочные ужасы укоренены в культуре германского народа и отказываться от них нельзя. Братья добились своего и, перевоспитав родителей, проложили дорогу к детским сердцам. В новой, избавившейся от романтической мягкотелости Германии их сказки читались с упоением.

Андерсен же обижался, когда его называли детским писателем. Вряд ли его всерьез беспокоило мнение детей. По воспоминаниям профессора В. Блока, опубликованным в 1879 г., Андерсен крайне редко читал сказки детям и «предпочитал взрослую публику, но не ради того, чтобы услышать ее советы – он не нуждался в них». По словам Э. Коллина, друга и поверенного Андерсена в течение сорока лет, он вообще «не предназначал сказки для самостоятельного чтения детей; предполагалось, что взрослые будут читать или рассказывать их детям, придерживаясь, сколько возможно, тона Андерсена» («Андерсен и семья Коллинов», 1882). Иными словами, чтение сказок детям предвлялось их осмыслением родителями. Андерсен был убежден, что детей «забавляет самая фабула сказок», взрослых же интересует «вложенная в них идея». Ну а идея, в понимании автора и ряда критиков, например К. Майера, намного важнее фабулы. Идея – «зерно и мозг сказки, она-то и сообщает этим произведениям полноценность и силу».

К сказочному жанру Андерсен относился пренебрежительно. «Незатейливые байки», утомительное «жонглирование золотыми яблочками фантазии» – братья Гримм нипочем бы так не выразились! В «Моей жизни как сказке без вымысла», написанной специально для первых двух томов (1847) немецкого собрания сочинений, Андерсен уделил сказкам всего полторы страницы и едва обмолвился о первом их выпуске. Но, начав писать истории собственного сочинения, не базирующиеся на фольклорном источнике, он придал им колоссальное значение и жаловался на неразумного читателя, отдающего предпочтение ранним сказкам. Складывается впечатление, что Андерсен продолжал работать над сказками лишь потому, что с их помощью было проще докричаться до публики, равнодушной к его скучноватым пьесам и путевым заметкам.

Одной из главных задач братьев Гримм, заботящихся об исторической и мифологической достоверности, было преодоление детских страхов. Фантазирующего Андерсена проблема страха не трогала – он собирался не пугать читателя, а поучать. При своей удивительной даровитости, при замкнутом, нездоровом, с точки зрения обывателя, образе жизни, который он вел, Андерсен мог бы в творческом полете многократно превзойти Гофмана, сродство с которым он недаром ощущал. Но, увы, его сковывали две мощные цепи – протестантский рационализм

и романтическая чувственность. К тому же он постоянно задумывался о нуждах угнетенных, превращая сказки в тяжеловесные сатиры и проповеди эгалитаризма, так что их даже рекомендовали для прочтения... монархам¹.

В детстве Андерсен наслушался жутковатых сказок не меньше, чем Асбьёрнсен и Му, и, будучи гораздо более тонкой и восприимчивой натурой, принял их близко к сердцу. После общения со старухами в приходской больнице и работницами в деревне на чистке хмеля мальчик «боялся выйти в темноте на улицу». Мимо Холма Монахинь и собора Святого Кнуда в Оденсе, связанных с таинственными происшествиями, он ходил с закрытыми глазами. Некогда с соборной колокольни сорвался колокол, лежащий с тех пор на дне озера.

По мере взросления и вхождения в свет страх улетучился. В юношеских балладах и сказках 1820-х – начала 1830-х годов его нет и в помине. Так, в зарисовке «Эльфы в Люнебургской роще» малютки, обитающие в цветах, навевают путешественникам будничные сны. Студенту снятся экзамены, девушке – ее печальная судьба, купцу – биржа, старому аптекарю – увечье и нищета. А много лет спустя Андерсен переделывает легенду об упавшем колоколе («Колокольный омут»), дополнив ее преданием Тиле о водяном, живущем в том же озере. Вы думаете, водяной добавил ужаса услышанной в детстве истории? Ничего подобного! Колокол спас подводного хозяина от одиночества – он узнал от него о событиях, происходящих в мире людей, а колоколу в свою очередь поведали обо всем птицы, ветер и воздух.

¹ Братья Гримм тоже увлекались политикой, но на позднем этапе своего творчества, когда они взялись за трогательные истории для послушных детишек. Андерсен вздыхал о нищих и поносил королей (особенно Людовика XIV) еще до выпуска в свет первого сборника. Его политические идеалы, о которых любили вспоминать в советское время, но позабыли в наши дни, существенно повлияли на содержание сказок.

Бузинная матушка. Иллюстрация Х. Тегнера (1913). Апофеоз благодушия и довольства

Для такого междусобойчика Андерсену и нужны были волшебные существа. Они вели себя по-человечески, дружески болтали или угрюмо отмалчивались. Г. Гейне вспоминал, как

летом 1833 г. Андерсен рассказал ему о датских домовых. Охотнее всего домовые едят размазную с маслом и, обосновавшись в доме, не склонны его покидать. С развитием этического мировоззрения и обращением к выдуманным сюжетам Андерсен вкладывает в чудовищ определенные идеи. А поскольку мысли и чувства способен выражать любой предмет, на который падает взор сказочника, постепенно чудовища вытесняются цветами, деревьями, снежинками, каплями воды, мячами, воротничками и т. д. Язычник (если угодно, первобытный человек) наделял предмет духом. В мифах и сказках дух покидал свое убежище. Андерсен загоняет блудный дух обратно в предмет, и предмет очеловечивается.

Вот, например, сказка «Бужинная матушка» (1844). В датском фольклоре это существо живет в бужине и мстит за нанесенные ей повреждения. В сумерках оно может передвигаться по двору и заглядывать в окна. Если из бужины изготовить колыбельку, разъяренный дух вытащит оттуда ребенка за ноги. Крестьянин, обивший стены детской спальни досками из бужины, слышал ночью истошные крики и обнаружил детей плачущими, а их тела распухшими и покрытыми язвочками. Когда в хозяйстве требуется бужина, датские крестьяне обращаются к Бужинной матушке с вежливой просьбой: «Позволь мне срезать твои ветви».

Представительница древнего сонмища древесных духов в интерпретации Андерсена превратилась в ласковую, приветливую старушку в пестром платице, ассоциирующуюся с зелеными веточками и белыми цветочками, опущенными в чайник. Озабочена матушка не охраной природных богатств, а буднями и праздниками семейной четы, которой она покровительствует. Она умиляется на стариков и внучат, оборачивается хорошенькой девочкой, целуется с мальчиком, устраивает вместе с ним маленький садик и, наконец, называет свое настоящее имя – Воспоминание: «Я сижу на дереве, которое все растет и растет; я помню все и умею рассказывать обо всем!» С появлением идеи надобность в чудесном существе отпадает – ее может воплощать и цветущее дерево, и ветки для заварки. «А где же Бужинная матушка?» – спросил мальчик. «В чайнике!» – ответила мать. Главное для автора и его героев, чтобы в истории Бужинной матушки «было много похожего на историю их собственной жизни».

Процесс обезличивания фольклорных чудовищ нельзя было повернуть вспять. Андерсен категорически отрицал возможность их существования и относился с презрением к мистике, что подтверждает автобиографический рассказ о встрече с привидением, напоминающий аналогичные опыты сэра Вальтера Скотта и В. И. Даля. Узнав о призраках монахов, навещающих комнату в Бёрглумском замке, писатель тщательно исследовал ее изнутри и вскарабкался по наружной стене, «чтобы убедиться – нет ли тут где какого-нибудь приспособления для ночных сцен с привидениями».

Ход его рассуждений типичен для рационалиста. Вначале мировые законы превозносятся над волей Бога: «Все в мире подчинено великим, разумным законам, обусловливаемым Божиим всемогуществом, мудростью и милостью, и в отступления от них я не верю». Ограничив рамками закона мир и его Творца, Андерсен приступает к анализу конкретной ситуации: «С чего это станут беспокоить меня умершие монахи?» Раз нет разумной причины для их прихода, волноваться незачем. Правда, он, как всякий романтик, грезит о воздушных дамах, поэтому просит Бога о ниспослании знака о посмертной участи своей близкой приятельницы Генриетты Вульф. И вот в темном углу комнаты замка он замечает «туманную фигуру вроде человеческой». Но страсть к объяснениям, подобающая ученому, а не поэту, берет верх над чувством. Не в силах укротить ее Андерсен бросается к привидению и под аплодисменты Скотта и Даля находит отгадку: «На блестящую полированную дверь падал отблеск лунного света, отражавшегося в зеркале». В другой раз Андерсен с той же наивностью разоблачает звон призрачного колокола. Его издаст люстра с подвесками, которая раскачивается от шагов посетителей.

И лишь в последних сказках, не любимых многими российскими читателями, Андерсен поддается мрачным настроениям, создающим налет ужаса не сверхъестественного, а скорее

религиозного – ужаса загробных мук, а не загробных обитателей. В душе сказочника поселяется устойчивое отвращение к приторным байкам наподобие истории охотника Брюте и к счастливой концовке в целом. Но и эта перемена вызвана не мистическим озарением, а житейским разочарованием: в реальной жизни все заканчивается плохо.

Братья Гримм задавали тон в фольклоре, Андерсен – в литературе. Все последующие творцы литературной сказки Скандинавии ориентировались на Андерсена, а не на профессиональных сказочников и, как следствие, еще дальше отходили от первоисточника.

Финский поэт Сакариас Топелиус (1818–1898), писавший на шведском языке, был знаком всего-навсего с тремя нестрашными сказками братьев Гримм – «Спящая красавица», «Золушка», «Храбрый портняжка», но Андерсена знал досконально. В рецензии на сборник его сказок Топелиус восхищался «доброжелательной сатирой» и тут же уверял всех, что дети очарованы Андерсеном и воспринимают его «картины и шутки» как свои собственные. Неужели Топелиус отыскал у детей сатирический настрой? Они, конечно, пародируют взрослых – ведь те уморительны в своей серьезности, – но не ратуют за справедливость.

Право, Андерсен был мудрее и не питал иллюзий относительно восприятия своих идей детьми. Поэтому он не гонялся за резюме – взрослым оно ни к чему, – и в его сказках почти отсутствуют толстовские ложки (так мы их окрестили в «Страшных немецких сказках»). Топелиус же полагал, что «дети нуждаются в разумном убеждении», и с размаху стучал ложкой по столу: природа на стороне смелых и добрых людей («Солнечный луч в ноябре», «Зимняя сказка»); скромность и доброта лучше богатства, красоты и ума («Жемчужина Адальмины»).

С 1847 по 1852 г. Топелиус опубликовал четыре сборника своих сказок. Из волшебных персонажей в них преобладают популярные в Лапландии колдуны. Они лишены зловещих черт: строят корабли, заговаривают воду, воздух, огонь, оборачиваются животными, а придя в скверное расположение духа, похищают принцесс. Дар ясновидения присущ и заурядным героям, например девочке-найденышу Звездоглазке.

А вот как перетолковывает Топелиус старинные предания. В известном скандинавском сюжете о строительстве (он подробно рассмотрен в «Страшных немецких сказках») тролль или великан хочет забрать глаза человека. Топелиус взывает к национальным чувствам финнов: мол, каждый человек в Финляндии без колебаний пожертвует своими глазами, чтобы разогнать ночную мглу, нависшую над родиной. Магический жест, имевший богатую предысторию, вдохновлявший религиозно мыслящих философов и поэтов, превращается в назидание для финских патриотов, к которым автор, похоже, причисляет и детей.

Тем паче непонятен ему охотящийся за детскими глазами ночной демон, заведующий кошмарами и известный в Германии под именем Песочного человека. Первым смягчил его образ Андерсен, чей Оле Лукойе отнимает сновидения у баловников, но кошмары не насыщает. Добрый воспитатель Оле напоминает детям о своем суровом брате Смерти. Финский Нукку Матти, выведенный Топелиусом, к меланхолии не склонен. Он спасает от гибели маленького героя и не дает умереть с голоду принцессе. Брат Оле Лукойе с позором выставлен за дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.